

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЯВЛЕНИЙ ЯЗЫКА И РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПАДНО-РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

С.А. Моисеева

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Moisseeva@bsu.edu.ru*

Наблюдающаяся ныне смена научных парадигм и переориентация языкознания с проблематики языка на проблематику речи означает перенос внимания с вопросов, касающихся системности языка, на вопросы функционирования языка в различных условиях коммуникации. Для функциональной классификации номинативных единиц языка важен учет семиотических характеристик, их свойств как языковых знаков. Проблемы функционирования языка связывают также с изучением представления знаний, т.е. с когнитивной деятельностью человека. Однако в последнее время в лингвистике проявляется тенденция рассматривать явления языка и речи в рамках не одной парадигмы – системной, когнитивной или дискурсивной, а во взаимодействии парадигм, концептуально дополняющих друг друга. В данной статье на материале трех западно-романских языков сделана попытка подобного исследования глаголов сферы восприятия.

Ключевые слова: перцепция, семантическое поле, языковой знак, значимость, референция, язык, речь, прототип.

Введение

Взирая с высоты XXI века на вторую половину предыдущего ясно видны вырисовывающиеся вершины лингвистических направлений, которыми были охвачены исследования этого периода: функциональная лингвистика, лингвистика текста, язык в действии, теория речевых актов, прагматика и т.п. К числу таковых относится и теория поля, достигшая расцвета в последнюю четверть второго тысячелетия, но метод поля был потеснен другими теориями, называемыми «теориями XXI века», в центре которых находится языковая ментальность человека – когнитивные теории языка. Когнитивная лингвистика и структурная семантика стали в какой-то мере антиподами, они оперируют прямо противоположными понятиями: семантической структуре слова противостоит прототипическая организация значения, являющаяся более гибкой и менее строгой, чем его семантическая структура. Одной из задач когнитивной лингвистики является воссоздание прототипической организации языка и от нее переход к этнолингвистическому описанию картины мира [Кубрякова, Rosch]. На современном этапе развития языкознания на повестку дня вышла еще одна новая научная парадигма, все исследования в которой объединены одним исходным понятием, называемым «антропоцентризм». Этим термином определяется любое изыскание в сфере языка, обуславливая тем самым его актуальность. «Именно человек выступает в роли субъекта, объекта и бенефицианта современных научных разработок» [1: 3]. Изучается человек мыслящий (cogens), говорящий (loquens), действующий (agens), играющий (ludens), воспринимающий (percipiens). Последний, являющийся объектом настоящей статьи, изучается с двух точек зрения: как человек *воспринимающий*, то есть обладающий физиологической системой восприятия, представленной пятью органами чувств, и как человек *воспринимающий* какой-либо языковой продукт. В последнем случае его можно назвать человеком, декодирующим информацию.

Теоретический анализ

В последнее десятилетие в лингвистике начала проявляется тенденция рассматривать явления языка и речи в рамках не одной парадигмы – системной, когнитивной или дискурсивной, а во взаимодействии парадигм лингвистических знаний, которые концептуально дополняют друг друга. При исследовании межъязыковой референции в аспекте лингвистической теории Г. Гийома мы обращаемся к когнитивно-лингвистической парадигме, сущность которой «воплочена» в триноме: концепт – языковой знак – речевой знак. При интерпретации этого комплекса можно выделить две цепи отношений: причинные, идущие от высшего уровня к низшему, когда исходным является уровень актуа-

лизуемых значений, и интерпретативные, которые следует признать двусторонними (от высшего уровня к низшему и наоборот) [2:108]. Постулирование причинных отношений мотивировано общей методологической позицией Г. Гийома, предполагающей мыслительную реконструкцию виртуальной языковой реальности (языковой системы) через “видимую” актуализированную [3: 21-23].

С проблемой знака тесно связан вопрос о природе значения. Значение, выражаемое словом, есть содержание соответствующего знака. “Рассуждать о значении самом по себе, в отрыве от его носителя, практически невозможно. Ведь значение – сущность идеальная, не данная нам в непосредственном наблюдении. Носителем значения выступает знак – сущность, в отличие от значения, материально-идеальная” [4:30]. Общественно установленное системное (лексическое) значение – это информация, связываемая с данным знаком конвенционально (условно), согласно общепринятым правилам употребления этого знака в качестве средства передачи информации [5: 75].

В **языковой системе** лексический знак обладает значимостными свойствами и валентностными потенциями, которые находятся в виртуальном состоянии в области мыслимого, то есть с проявлением в знаке его виртуального обобщенного, моносемичного, потенциального значения. Последнее вместе со всеми потенциальными значениями представляет значимость знака, она свойственна ему только в языковой системе, в которой слово – знак однозначно, а в речи – многозначно, поскольку “различные варианты расширенности (extensité) или, лучше растяженности (tensité) (...) содержатся в каждом слове на речевом уровне” [3: 157]. На оси движения мысли “общее → частное → общее” системное значение слова локализуется в позиции частное. Универсализация и сингуляризация слова представляют изменения не его формы, а “размера” (растянутости) его содержания, зафиксированного как итог речемыслительной деятельности результативного и процессуального планов [2: 108]. Значение одной системной формы предполагает определенный диапазон контекстных значений в речи [3: 83]. Роль языка состоит в представлении для речи на основе имеющихся в системе форм большего или меньшего выбора контекстных значений. В этом случае семантическую структуру знака в речи можно представить как двуслойное образование, состоящее из сигнификативного (семасиологического) и денотативного (смыслового) значения. Взаимоотношение этих значений знака регулируется речевыми намерениями говорящего, контекстом высказывания, когда, например, оба значения могут совпадать. Разница между концептом и языковым значением состоит лишь в том, что языковое значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, концепт может “овнешниться” на основе альтернативных знаковых систем, таких как жест и мимика и др. [6: 13].

Э. Бенвенист подчеркивает, что “для нужд анализа допустимо рассматривать две стороны знака по отдельности, но по отношению к процессу означивания знак всегда остается целостной единицей (7: 87). Такое разграничение языковых и речевых значений основывается на двух лингвистических реальностях: виртуальной (потенциальной) – языковой и актуализированной – речевой. В речевой деятельности свойства языка и речи не суммируются, а интегрируются [3: 37]. Таким образом, язык и речь выступают как результативный, процессуальный, динамический способы работы мышления. Если согласиться с двойственностью объекта лингвистики (языка и речи) и соответственно с разграничением языковых и речевых значений, то двухуровневая теория значения, принятая в когнитивистике отдельными учеными, может быть переформулирована как трехуровневая: концептуального, языкового и речевого. При этом концептуальное и языковое значения являются виртуальными, а речевое – актуализированным. Системное описание трехуровневой интерпретации (концепта – языкового значения – речевого значения) может быть понято двояко: как определенная методология анализа, позволяющая построить соответствующую систему, и как концептуальный анализ (реконструкция) этой системы [2: 105].

Система языка структурирована по позиционному принципу, и позиция компонента (знака) определяется по его сигнификативному (понятийному) значению. В употреблении оно (значение) выступает как тот или иной актуальный (речевой) смысл, как

информация, связываемая с данным знаком в сознании носителя языка в определенный период времени в определенном контексте (ситуации) [8:13]. Именно при таком подходе происходит взаимодействие языковых и речевых значений. Материальным субстратом такого взаимодействия является понятие оперативного времени, введенное в лингвистический обиход Г. Гийомом, которое дает возможность аналитически представить в динамике когнитивных операций взаимодействие семасиологических (системных) и смысловых (денотативных, речевых) значений. Взаимоотношение этих значений складывается в субъективном процессе актуализации. Идеальный образ – это виртуальное значение. Обозначение реального предмета или явления – это сфера актуализированного (речевого) значения. Виртуальное и актуализированное значения отличаются от соответствующего концепта тем, что включает в себя не все его компоненты, исключаются, например, экспрессивные, коннотативные и разного рода субъективные наслоения. В речи, когда знак реализует номинативно-референциальную функцию, в рамках единого знака интегрируются сигнификативное и смысловое значения, возможно полное или частичное соответствие / несоответствие сигнификативных и смысловых значений. В этом случае явления симметрии / асимметрии свойственны содержательной сфере (означаемому) знака, которая является двухслойной. Оба значения знака находятся в отношениях **дополнительного соответствия**, представляющего фундаментальное свойство его организации. Согласование (соответствие) сигнификативного и смыслового значений знака определяет не только потенциально-речевые, но и внутрисистемные свойства знака. Если рассматривать соответствие не как “нечто замкнутое, самодовлеющее в себе”, а как динамическую характеристику отношений между означаемым и означающим, то соответствие / несоответствие означающего и означаемого не только определяет позицию знака в поле языковой системы, но и указывает на отношение знаков друг к другу, т.е. на их значимость. Языковая система объединяет знаки с **экстремальным соответствием / несоответствием** означающего и означаемого. Знаки с **постоянным соответствием / несоответствием** становятся также фактом **языковой системы**. Очевидно, при полном соответствии как означаемое, так и означающее отвечают сущности определенной лингвистической категории, такой знак концентрирует основные категориальные признаки и располагается в **центре** соответствующего **поля** языковой системы. Существует зависимость между степенью такого соответствия означаемого и означающего знака и отношением знаков в поле языковой системы, их значимостью. Оно предполагает взаимное согласование существенных сторон объекта, их взаимодействие, качественную определенность в строении знака. Соответствие как отношение включает в себя момент изоморфизма, так как всякое взаимодействие имеет место благодаря некоторому единству сторон. Как правило, соответствие охватывает согласование всяких изменений плана содержания и плана выражения [9: 26-27]. По-разному объясняют соответствие в языковом знаке Ф. Соссюр и Г. Гийом. Для Ф. Соссюра соответствие – это отношение означаемого и означающего в билатеральном языковом знаке, переход от языкового значения (плана содержания и плана выражения (*signifié de puissance*) к речевому (*signifié d'effet*) [10:147]. Г. Гийом представляет это следующим образом *signifié de puissance* → *signe* → *signifié d'effet* [12: 264]. Соответствие означаемого означающему по Г. Гийому основывается не на его материальности, а на условиях согласования совсем другого характера. Речь идет о согласовании психической (ментальной) и семасиологической систематизации для достижения наилучшего выражения. Именно на этих уровнях современная когнитология говорит о **концепте**. Согласование языкового и речевого значений происходит в рамках знака, а знаковая симметрия / асимметрия устанавливается изначально в пределах означаемого, а не при согласовании самого знака и означаемого. Форма знака остается консервативной, динамично его содержание. Согласование плана содержания и плана выражения определяет не только потенциально-речевые, но также и внутрисистемные свойства знака, другими словами, существует определенная зависимость между степенью соответствия означаемого и означающего знака и отношением знаков в поле языковой системы. При этом само соответствие становится системообразующим признаком – главным ориентиром при определении структуры единиц одного уровня языковой системы [11:19].

При рассмотрении связи знаков с высшими когнитивными процессами необходимо учитывать принцип общности, предполагающий движение мысли от понятия к понятию. Динамика мысли фиксирует значение знака; его означающее, представляет определенную лингвистическую категорию слова, и форма знака воспринимается как итеративный компонент в пределах определенной лингвистической категории (12: 225). Такое представление не противоречит сложившимся теориям, например, систематизации лексики в поле с центром и периферией. Не затрагивая сути такой систематизации в различных научных парадигмах, отметим, что полевая систематизация входит в общую теорию организации языковой системы. [13: 6-10].

Одно из открытий когнитивной науки состоит в том, что в основе категоризации, ключевого процесса познавательной деятельности человека, лежит нежесткий принцип прототипичности, предполагающий рассмотрение категории в единстве центральных (прототипических) и периферийных признаков. Центральные признаки образуют содержательное ядро слова, его прототип, который остается неизменным, несмотря на наличие других актуальных значений. Содержание слова, взятого вне конкретной знаковой функции, может мыслиться как прототипическое – концептуальное, интерпретация которого связана с некоей формализацией – параметризацией с помощью понятий схема, сценарий, модель [14:188]. Поскольку “когнитивный уровень предполагает выход за пределы собственного языкового знания” [15: 13], концептуализация соотносительных прототипических единиц, единиц языковой системы и речи, разная. В когнитивистике различие между прототипическими значениями слова и его знаковыми вариантами нашли воплощение в так называемой двухуровневой теории значения – концептуального и семантического. Прототипическая организация значения в естественных языках, характеризующаяся отсутствием четких границ между различными лексико-семантическими группами, некоторой размытостью семантики словесных знаков, и тем самым оптимальным образом удовлетворяет таким принципам прототипичности, как гибкость, нежесткость и вместе с тем структурная стабильность. Ряд исследователей признают, что языковое (сигнификативное) и речевое (смысловое) значения реализуются в рамках основного прототипического концепта, обладающего общей категориальной функцией. Этот подход дает возможность обратить внимание на особенности полевой структуризации языковой системы и на разграничение таких знаковых характеристик как *значение* и *значимость*. В области мыслительных операций присутствует концепт как обобщенный, закрепленный общественной практикой “продукт” коллективного сознания. Значимость, которую Ф. Соссюр рассматривал как содержание отношения между знаками в языковой системе, отражает также информацию о потенциальных свойствах знака в речи: их возможной однозначности / многозначности. Языковая и речевая однозначность различаются как обобщенное и конкретное значение, которые имеют разную референтную ориентацию.

В своей теории психосистематики Г. Гийом использует методику “позиционной лингвистики”. Сущность этой методики заключается в представлении каждого явления в первую очередь с точки зрения его развертывания по горизонтали (продольное развертывание) и в проведении его анализа в том виде, в каком это делает само мышление, т.е. с помощью поперечных сечений произвольного развертывания [3: 53].

По мнению ведущих специалистов-семасиологов важнейшим вкладом в современную теорию значения является концепция прототипичного структурирования семантических категорий. Онтология окружающего мира отражена в сознании человека в виде категорий, к каждой из которых относится известная группа объектов окружающего мира. К актуальным проблемам семасиологии можно отнести анализ особенностей проявления одной и той же семантической универсалии в разных языках. Соотношение универсального и идиоэтнического в различных языках тесно связано с проблемой взаимоотношения языка и мышления и поэтому интересует ученых, работающих в области психологии, логики, языкознания. В лингвистической традиции установился подход к человеческому языку как состоящему из двух языков: один – точный, близкий к логике, общий для всех людей, другой – своеобразный у каждого народа [16:108]. В формировании этого своеобразия не последнюю роль играет процесс восприятия и в буквальном, и в переносном смысле. Многочисленные исследования по теории номинации, по теории референции показали, что референтный мир и мир воспринимаемый не перекрываются полностью,

так как восприятие не лишено избирательности. Задачей когнитивной лингвистики является исследование познавательной ценности языковых объектов как инвентарных единиц языка. Рассматривая структуру поля, мы должны отметить, что исследуемое нами лексико-семантическое **поле восприятия** имеет свои подсистемы: пять микрополей в соответствии с пятью органами чувств – зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом, оно относится к **моноцентрическому** типу и организовано иерархически, у него есть **идентификатор**, который по своему объему шире значений других слов, входящих в исследуемое семантическое поле (СП), по смыслу он охватывает по смыслу все элементы низших уровней. В семантическом содержании членов СП имеется сема, являющаяся общей для всех входящих в его состав лексических единиц, в нашем случае это сема «воспринимать» (fr. *percevoir*, it. *percepire*, esp. *percibir*), она и служит основанием для полевого объединения слов и называется **интегральной**, теоретически она в наиболее чистом виде находит свое выражение в содержании идентификатора [17: 10]

Как средство познания объективного мира глаголы восприятия сближаются в этой функции с языком в целом, поскольку мир можно познавать двумя путями: через рецепторы (предмет биологии) и посредством языка. К основным репрезентантам сенсорных областей в западно-романских языках мы относим глаголы:

зрительного восприятия (fr. *voir*, esp. *ver*, it. *vedere*; fr. *regarder*, esp. *mirar*, it. *guardare*); слухового восприятия (fr. *entendre*, esp. *oír*, it. *sentire*; fr. *écouter*, esp. *escuchar*, it. *ascoltare*);

вкусового восприятия (fr. *gôûter*, esp. *probar*, it. *assaggiare*);

сферы обоняния (fr. *sentir*, esp. *oler*; it. *odorare*);

сферы осязания (fr. *toucher*, esp. *tocar*, it. *toccare*).

Эти общественно закрепленные формы на уровне языка, которыми обозначены элементы сенсорного опыта (операции восприятия и осознания), составляют **прототипическое** ядро системы восприятия, так как «языковыми прототипами в нашем сознании являются понятия наиболее выделенные психологически» [14: 65].

Полевой метод описания лексического состава языка позволяет систематизировать лексические единицы с общим компонентом «восприятие» и представить позицию этих единиц внутри поля в зависимости от близости / дальности их расположения от ядра. Если учитывать позиционный принцип организации семантического поля, то все лексические единицы, входящие в ядро соответствующего поля, относятся к языковой системе, они имеют экстремальное соответствие двух сторон знака, означающего и означаемого, плана выражения и плана содержания, именно вокруг них группируются все остальные, относящиеся к данной (перцептивной) категории объекты, при этом согласно наличию / отсутствию важнейших категориальных признаков эти объекты располагаются ближе или, соответственно, дальше от центра [17: 343]. Важным для концепции СП являются понятия центра поля. Центр поля представляет собой участок сосредоточения основного семантического потенциала поля, в нем сосредотачиваются основные идиоматические явления, которые, возможно, нарастают по мере удаления лексических единиц от центра. Третий круг, периферия (ближняя, дальняя, крайняя) семантического поля глаголов восприятия, это постепенные переходы от одних уровней организации поля к другим, частичные пересечения, общие сегменты. В периферийных зонах наблюдается неполный набор их признаков и возможное их ослабление в наиболее удаленных от ядра участках поля [18: 106]. Исследование семантического поля глаголов восприятия показало, что между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть – на периферию. На периферии поля восприятия находятся маргинальные единицы с контекстуально обусловленными значениями. Границы между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии размыты, нечетки, конститuentы поля могут принадлежать ядру одного поля и периферии другому полю, и наоборот. Положение каждого элемента в СП глаголов восприятия можно определить следующим образом: чем больше дифференцирующих сем включает элемент, тем он дальше отстоит от центра. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов. Глаголы восприятия, реализующие смешанные или неперцептивные значения, относятся к периферии семантического поля [17], они уходят в **область речи**.

Описание отдельных лексико-семантических полей на основании парадигматических отношений входящих в него слов можно рассматривать как этап в познании системной организации словарного состава языка, поскольку семантические связи слов в парадигматическом плане подчиняются определенным закономерностям, благодаря которым возможен переход от описания отдельных лексико-семантических полей к выявлению системной организации всего словарного состава.

К актуальным проблемам семасиологии можно отнести анализ особенностей проявления одной и той же семантической универсалии в разных языках. Соотношение универсального и идиоэтнического в них тесно связано с проблемой взаимоотношения языка и мышления. Процесс восприятия – явление многоплановое, о чем свидетельствуют множество подходов к его изучению: эмпирический, генетический, исследование гештальт-психологов, бихевиористски ориентированные исследования, деятельностный подход. Восприятие обеспечивает непосредственно-чувственную ориентировку в окружающем мире и всегда в большей или меньшей степени связано с мышлением, направляется мотивацией, т.е. восприятие является одним из эмпирических факторов, обуславливающих универсальные структурные характеристики наряду с памятью и эмоциями.

При межъязыковом сравнении лексических единиц эталоном является набор определенных семантических признаков. Если набор сем, получаемых при разложении значений слов на элементарные семы, считать универсальным, то с точки зрения теории семантических признаков эквивалентными являются лексические единицы двух языков, обладающие тождественным или по крайней мере в значительной степени сходным составом сем. Сравнительное изучение языкового отражения референциального мира в романских языках посредством изучения семантического поля глаголов восприятия может быть плодотворным для решения проблемы типологических сходств и различий родственных языков, так как при наличии значительных совпадений легче проследить степень своеобразия каждого отдельного языка, различия в функции генетически тождественных элементов и т.д. [19].

Анализ материала показал, что в способах воплощения сопоставляемых полей в разных романских языках проявились резкие отличия как в качественном отношении, так и в количественном. Объем значения слов родственных языков может частично совпадать, частично различаться. Во многих случаях произошла утрата исконных материальных элементов, полного совпадения между семантическими возможностями латинского глагола и его романскими продолжателями не обнаружено. Самые частотные лексические единицы семантического поля восприятия в латинском языке в значительной части явились этимонами глаголов восприятия в исследуемых новороманских языках, но без сохранения старинной филиации значений, характерных для латинских глаголов.

Рассматривая типы соответствий между значениями слов в родственных языках, Р.А. Будагов отмечает: “Лексические соответствия так же, как и лексические несоответствия между родственными языками выступают как проблема исторически и лингвистически гораздо более конкретная, более очевидная. Вместе с тем проблема эта сложна ввиду ее недостаточной разработанности” [20: 230]. Исконный словарный фонд, общий для всех родственных языков, является сходным, но сформировавшись из единого источника слова родственных языков впоследствии начинают функционировать в каждом из них настолько своеобразно, что это не позволяет говорить о семантическом и стилистическом единстве лексем. Латинское наследие в лексике восприятия романских языков не сводится лишь к материальной стороне. Зависимость романского лексико-семантического типа от латинского источника сказывается и в организации словаря, в частности, в его парадигматическом основании. В соответствии с генетическим прототипом семантическое поле глаголов восприятия в трех романских языках (французском, испанском, итальянском) опирается на систему гиперо–гипонимических связей, образующих парадигматическую ось данной группы. На фоне этой оси можно дать объяснение некоторым сдвигам, которые имеют место в лексико-семантических позициях отдельных глаголов изучаемой группы, примером может служить эволюция латинского глагола *sentire*, которому в латинском языке принадлежала функция идентификатора, т.е. слова, воплощающего в себе на парадигматической линии основные признаки глаголов семантического поля вос-

приятия [21: 10]. В самом начале формирования романских языков глаголы восприятия приняли в своем развитии направление в сторону «от латинских прототипов», сложились языковые ситуации, характеризующиеся дивергентным развитием будущего семантического потенциала сенсорных глаголов, вызванного факторами, достаточно хорошо описанными в романистике [22: 60-61].

Смысловые потенции исследуемого глагола показывают высокую степень подобия со всем полем не только в плане общей ориентации, но и с точки зрения способа организации его семантики. Выразитель обобщенных свойств поля глаголов восприятия, латинский глагол *sentire* является семантически более емким и функционально более мощным, чем любой другой член поля в отдельности. В его семантической структуре отражены существенные организационные черты представляемого им поля. Являясь **главным репрезентантом** СП глаголов восприятия в латинском языке, он «цементирует подсистему, обнимая, подобно своеобразной скрепе, ее наиболее характерные признаки» [23: 20].

В западно-романских языках продолжателями латинского *sentire* являются fr. *sentir*, it. *sentire*, esp. *sentir*. Известно, что генетическое родство не предопределяет автоматически структурно-типологического сходства, причем расхождения между языками могут касаться их разных сторон, в связи с чем возникает вопрос об общей типологии этих расхождений, которые определяются характером выбора, аспектом языковой реализации. Глагол *sentir* во французском языке имеет следующие значения: 1) v.tr. чувствовать, ощущать, испытывать; 2) сознавать, понимать; 3) нюхать, обонять; 4) отдавать, припахивать; 5) v. intr. пахнуть чем-л., отдавать; 6) чувствоваться, ощущаться; 7) чувствовать себя; 8) *se faire sentir* 9) чувствовать в себе что-л.; 10) не выносить кого-л. [24: 1005].

Из десяти приведенных значений французского глагола восемь относятся к СП глаголов восприятия, одно относится к сфере интеллектуальной деятельности и последнее – к эмоциональной сфере. Исследование показало, что объем семантической структуры у исследуемого французского глагола в сравнении с латинским на много сократился: у него остались значения, относящиеся к микрополям обоняния, осязания, вкуса, значения, относящиеся к микрополям зрения и слуха исчезли.

Аналогичный испанский глагол имеет следующие значения: *sentir* v.tr. 1) чувствовать, ощущать; 2) чувствовать, испытывать (радость, ненависть); 3) слышать воспринимать; 4) быть чувствительным (о растениях); 5) огорчаться, сожалеть, переживать; 6) судить, иметь мнение; 7) чувствовать, понимать; 8) предчувствовать, предвидеть [25: 697].

У итальянского *sentire* в «Новом итальянско-русском словаре» [1995] отражены следующие значения: vt 1) чувствовать, ощущать, испытывать; 2) понимать, сознавать; 3) слушать; fig 'выяснить настроение (замыслы кого-л.); 4) слышать; 5) слушаться (+G); следовать (+D); 6) чуют, предчувствовать, предвидеть; 7) пробовать; 8) узнать, спросить, посмотреть. 2. vi (a) 1) судить, считать; 2) (de qc) отдавать, припахивать (+S); иметь вкус (привкус, запах); 3) (di) походить, смахивать (на +A); [26: 821].

Семантический объем исследуемого итальянского глагола оказался более полным, чем у его французского и испанского аналогов, у него сохранились практически все значения латинского этимона. К значениям, относящимся к семантическому полю интеллектуальной деятельности, добавились новые значения, относящиеся к эмоциональной сфере. Итальянский глагол по сравнению с его испанским и французским эквивалентами более всего близок к своему латинскому прототипу.

Таким образом, сопоставительный анализ семантики глаголов, восходящих к латинскому глаголу *sentire* в трех западно-романских языках, выявил у продолжателей этого глагола сокращение семантического спектра, которое коснулось в основном микрополей зрительного и слухового восприятия. В итальянском и в испанском языках значение 'видеть' практически не репрезентировано, но сохранились соответствующие значения в микрополях обонятельного, осязательного и вкусового восприятия, более устойчивыми они оказались во французском и итальянском языках (см. словари Dubois 1966; Quillet 1955; Robert 1993; Garzanti 1965; Migliorini 1975). П.А. Будагов опираясь на данные толковых и двуязычных словарей, письменные тексты разнообразных жанров, установил, что в сопоставляемых языках у этого глагола существует определенная последовательность основных, наиболее частотных значений:

fr. *sentir* 1) чувствовать; 2) пахнуть;

it. *sentire* 1) слышать (гипероним); 2) чувствовать;

esp. *sentir* 1) чувствовать; 2) слышать [20: 237].

Как видим, в западно-романских языках продолжатели исследуемого глагола переходят на более низкий иерархический уровень той же парадигматической линии.

Первый тип соотношений между значениями слов в родственных языках наблюдается в том случае, когда в силу разных обстоятельств позиция той или иной лексической единицы в одном из родственных языков смещается от центра поля к периферии или наоборот, от периферии к центру, а в других случаях она остается на своем месте, в результате чего в родственных языках происходит процесс дивергенции, т.е. расхождения значений исследуемых единиц. При переходе от языка-основы к дочерним языкам у перцептивных глаголов происходят различные семантические преобразования: рокировка, обмен ролями основного лексического репрезентанта (гиперонима) и дробного лексического репрезентанта (гипонима). Менее важный, дробный элемент в латинском языке становится основным в одном из новороманских языков (напр., испанский глагол *mirar*), а дробный репрезентант – lat. *intendere* приобретает основное значение во французском: *entendre*. Выявляется и противоположная тенденция: основные члены поля перемещаются в разряд дробных. Так, основной репрезентант – lat. *audire* 'слышать' в итальянском превращается в дробный *udire*, а глагол *sentire* становится основным репрезентантом в данной группе.

В языке не только слова образуют систему, но и различные значения внутри полисемичных слов тоже формируют своеобразную систему. Чтобы истолковать каждую микросистему многозначного слова, нужно обратиться к макросистеме всей лексики исследуемого языка. На вопрос, почему итальянское *sentire* означает прежде всего 'слышать', а французское '*sentir*' не имеет такого осмысления, ответ мы находим в глаголах – конкурентах, вступающих в те или иные контакты и оппозиции с интересующим нас латинским глаголом *sentire*. В частности латинский глагол *intendere* 'намагивать' во французском языке приобрел значение 'слышать' *entendre*, а в итальянском – 'понимать'. У итальянского *intendere*, первоначально шагавшего в ногу с французским *entendre*, позже значение 'слышать' ослабло, и, соответственно, освободившееся значение занял глагол it. *sentire* 'слышать', что привело к семантической оппозиции lat. *sentire* – *intendere*. В реальном функционировании языка оппозиции обычно бывают многоплановыми. Одно слово противостоит и взаимодействует с многими словами одновременно [20: 238].

Если рассматривать глаголы с точки зрения их эпидигматических свойств, то фокус внутри этой структуры может перемещаться, образуя историческую траекторию ее семантической эволюции, что и произошло вследствие преобразования латинской лексики в лексику романских языков. Так, испанский глагол *catar* демонстрирует следующую траекторию: от lat. *captare* '*chercher à saisir*' (пытаться воспринимать смысл), к '*chercher à percevoir par les sens*' (пытаться воспринимать чувствами), от него к староперсидскому слову имеющему значение '*regarder*' (смотреть), и к современному, основным значением которого является '*goûter*' (пробовать). В данном случае произошло перемещение фокуса от одной перцепции к другой: от мыслительного акта к акту широкой перцепции, затем к зрительной перцепции и, наконец, к вкусовой, с возвращением к зрительно-мыслительному акту в производном глаголе esp. *percatarse* 'заметить, отдавать себе отчет' [25: 69]. Этот пример является примером межмодусной внутриязыковой полисемии: мысль-восприятие-зрение-вкус-мысль.

Основным критерием выделения **межъязыковых эквивалентов** при сравнении лексики исследуемых языков является соответствие плана выражения лексической единицы плану ее содержания, т.е. семантико-структурный параллелизм. Но поскольку большинство глаголов восприятия многозначны, объем значения анализируемых слов в исходном языке может частично совпадать, частично различаться с лексическими единицами в сопоставляемом языке.

Когнитивная цепочка афферентных или ингерентных связей между семемами одного и того же полисемичного глагола в разных языках не совпадает по причине внут-

ренней зависимости между семами. Полисемия – результат различной интерпретации воспринимаемого объекта или понятия, в большей степени свойственна французскому языку в силу имманентного характера ее лексики [27: 144] Сопоставление многозначных слов во французском языке с их переводными эквивалентами в итальянском и испанском показывает, что минимальный контекст и сочетаемость в речи дает возможность выявить актуальное для каждого контекста значение. Так, например, французский глагол *sonner* во французско-итальянском словаре дает четыре итальянских переводных соответствия *suonare, scoccare, squillare, chiamare* [28: 931].

Sonner 1) suonare: fr. les cloches sonnent à toute volée, it. le campane suonane a distesa; fr. on sonne à la porte it. suonano alla porta;

2) scoccare: fr. minuit vient de sonner it. è appena scoccata la mezzanotte;

3) squillare: fr. le téléphone sonne sans arrêt it. il telefono squilla ininterrottamente;

4) chiamare: fr. – Madame a sonné ? it. – La signora a chiamato?

У французского глагола *retentir* проявляется та же тенденция, в итальянском языке ему соответствует три глагола: *echeggiare, riecheggiare, risonare* [там же: 874].

Так, в примере fr. *Le théâtre retentissait d'applaudissement*, глаголу *retentir* соответствует итальянский глагол *echeggiare*, и французское предложение переводится как it. *il teatro echeggiava di applausi*.

Иное соответствие исследуемой лексической единице мы видим в следующем примере: fr. *Un coup de fusil a retenti dans le bois*. It. *Una fucilata è riecheggiata (risonata) nel bosco* [там же: 874].

Как видим, в настоящем исследовании поведение глаголов восприятия изучается не только в системе, но и в конкретной речевой реализации, в синтагматике.

Заключение

Перцептивная информация о мире или ономазиологический аспект рассмотрения глаголов восприятия и когнитивная информация, или семасиологический аспект их рассмотрения, дают возможность более полного и всестороннего исследования поля восприятия в лексической системе языка. Выявленные онтологические и на их фоне национально-языковые особенности глаголов восприятия обнаруживают когнитивные предпосылки национально-специфического компонента в их семантике, когда слова родственных языков, сформировавшись из единого источника, начинают впоследствии функционировать в них настолько своеобразно, что это не позволяет говорить ни о семантическом, ни о стилистическом единстве лексем с генетической точки зрения, казалось бы, совершенно однородных.

Структура поля глаголов восприятия позволяет осуществить сопоставительные штудии с целью выявления эквивалентов, переводных соответствий и лакун. Рассматривая эти положения, следует принимать во внимание, что система в семасиологии выступает как система противоречивая, часто асимметричная, она постоянно нарушается внутренним движением. Семантическое поле перцептивных глаголов можно рассматривать как фрагмент когнитивной модели языка. Статусные характеристики глаголов восприятия, отражающие, с одной стороны, референтную связь с перцептивным процессом, который является полимодусным в силу принадлежности к функциональным системам человека, а с другой, полисемичность лексических единиц создает предпосылки для поиска этнолингвистического компонента в их функционировании. Современные контрастные исследования, которые оказались на втором плане после монолингвистических когнитивных разысканий, позволяют представить известные факты родственных языков в ином ракурсе, вскрывая тем самым новые связи между ними (сходные и отличительные).

Список литературы

1. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности (на материале английского языка) АДД – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 35 с.

2. Минкин Л.М., Моисеева С.А. К проблеме соотношения мышления, языка и речи // *Вісник Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна*. – Харків: Вид-во Харківського нац. унів., 2004 – № 635. – С. 103-108.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс. Культура, 1992. – 224 с.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика.. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: ВГУ, 1979. – 156 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во "Истоки", 2003 – 58 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
8. Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля "Восприятие". На материале английского, русского и французского языков. – М.: УРСС, 2003. – 352 с.
9. Минкин Л.М. Соответствие как отношение и принцип в организации языковой системы // *Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод. Тезисы докладов и сообщений*. – Орел, 1987.
10. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
11. Минкин Л.М. Некоторые вопросы языка и речи. *Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія філологія. Том 3. №2*. – Київ, 2000.
12. Guillaume G. Langage et science du langage. – Paris – Québec: Presses de l'Université Laval, 1969.
13. Минкин Л.М. Аспекты когнитивно-лингвистической парадигмы // *Структурно-семантичні і когнітивно-дискурсивні парадигми сучасного романського мовнознавства: Матеріали Першої Всеукраїнської наукової конференції романістів 5-6 жовтня 2006 року Чернівці 2006*
14. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Моск. гос. ун-т, 1996. – 248 с.
15. Болдырев Н.Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // *Когнитивная семантика: Мат-лы Второй Международной школы-сем. По когнитивной лингвистике, 11-14 сен. 2000г.* – Тамбов: ТГУ, 2000. – С. 11-17.
16. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 108 с.
17. Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 264 с.
18. Rosch E.H. Natural Categories / E.H. Rosch // *Cognitive Psychology*. – 1973. – Vol. 4. – № 3. – P. 326 – 350.
19. Моисеева С.А. Глаголы восприятия и дейксис / С.А. Моисеева // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. № 3(5)*. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. – С.106-115.
20. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет, 2000. – 304 с.
21. Dauzat A. La géographie linguistique. P. : Flammarion, 1948. – 226 p.
22. Макаров В.В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков / В.В. Макаров. – Минск, 1972. – 390 с.
23. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско- русский словарь. – М.: Русский язык, 1990
24. Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1995.
25. Зорько Г.Ф., Майзель Б.Н., Скворцова Н.А. Новый итальянско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1995.
26. Benaben M. Dictionnaire étymologique de l'espagnol. – P.: Ellipses, 2000. – 556 p
27. Togeby K. Structure immanente de la langue française, T.C.L.C., VI. – Copenhagen: Nordisk Sprog-og Kulturforlag, 1951. – 282 p.
28. Dictionnaire Garzanti Francese-Italiano, Italiano-Francese / Direzione da G. Cusatelli. – P.: Bortas-Milano, 1988. – 2029 p.

INTERACTION OF LINGUISTIC PARADIGMS WHILE INVESTIGATING PHENOMENA OF LANGUAGE AND SPEECH (ON THE MATERIAL OF WESTERN-ROMANIC LANGUAGES)

S.A. Moiseeva

*Belgorod
State
University,*

*e-mail:
moiseeva@bsu.edu.ru*

The changing of scientific paradigms observed at present and reorientation of philology from the problems of language to the problems of speech means a transfer of attention from the questions concerning the system character of the language to the questions of functioning of the language in different conditions of communication. For the functional classification of nominative units of the language it is important to register its semiotical characteristics, their qualities as linguistics signs. The problems of functioning of the language are connected with the studies of knowledge representation, i.e. with the cognitive activities of the man. Nether the less recently in the linguistics there has been a tendency to examine phenomena of language and speech not in the framework of a single paradigm, be it systematic, cognitive or discursive, but in the interaction of paradigms, complementing one another in the conceptive sense. In the present article there is an attempt of such an investigation of perceptive verbs on the material of Western-Romanic languages.

Keywords: perception, semantic field, language sign, meaningfulness, reference, language, speech, prototype.